

Влияние степени абстракции на выбор методологической основы изучения концепта

Т.Е. ХРАБАН

Рассмотрена классификация концептов по степени абстракции. Обосновано применение метода многофакторной идентификации, фреймового подхода, психолингвистических методов и приемов в зависимости от степени абстракции концептов.

Ключевые слова: концепт, фрейм, гештальт, абстракция, концептология, психолингвистика.

The classification of concepts according to the degree of abstraction is given. It justifies the use of the method of multi-factor identification, frame method, psycholinguistic methods and techniques depending on the degree of abstraction of concepts.

Keywords: concept, frame, gestalt, abstraction, conceptology, psycholinguistics.

В последние десятилетия в лингвистике были разработаны новые методы и приемы изучения концептов, что вызвано потребностью углубленного изучения способов репрезентации концептов в условиях прогрессирующего межкультурного диалога. Они учитывают передовые постулаты современной науки, ее положительный опыт, а также позволяют прогнозировать дальнейшее развитие семантики лексических средств и вербализации психических процессов.

В концептологии на основе общеприкладной методологии сформировалась система исследовательских принципов и способов анализа собственного объекта, которая является методологией этой научной отрасли. Известная украинская ученая Е. Селиванова отмечает, что специфика каждой из методологий в языкознании «отражается на рассмотрении проблем соотношения языка и сознания, системности языка, онтологической и гносеологической природы языкового знака, языковых изменений, языковой вариативности, связи языка и общества, языка и вещания (речевой деятельности), интерактивного взаимодействия в процессе коммуникации, синергетической природы языка, текста и дискурса» [1, с. 14].

В исследованиях, проведенных представителями отечественных и зарубежных концептологических школ, существуют некоторые различия в использовании методов и приемах исследования концептов. В качестве основания существующих классификаций предлагаются самые разнообразные параметры. Концепты могут быть разделены по степени абстракции. Классификация концептов как единиц различной степени абстракции присутствует в работах Н. Болдырева, З. Поповой и И. Стернина, В. Карасика. Согласно данной классификации, концепты являются универсалиями духовной культуры и относятся до абстракций высшего уровня. На самом низшем уровне расположены концептуализации природных и артефактных объектов. При выборе методов и подходов для исследования концептов следует учитывать степень абстракции изучаемых концептов. К абстракциям высшего уровня относятся гештальты.

Российская ученая И. Куприева определяет гештальт как «сложную организованную систему, которая благодаря своему стабильному инвариантному каркасу обеспечивает единую концептуальную базу для объединения лексики психических процессов. Аттракция системы гештальта соответствующих лексических средств происходит в результате естественного отбора на основании способности лексем системно и/или функционально актуализировать следующие идентификаторы гештальта: субъективность, спонтанную активность, чувственную недосыгаемость и предметность» [2, с. 9].

Поскольку человек чаще мыслит ассоциациями, ориентируясь на жизненный опыт, стереотипы, мифологические представления, то глубина гештальтов относительно языка проявляется в когнитивной метафоре. Так, на поверхностно-языковом уровне один и тот же гештальт может реализоваться как разные концепты, и только специальные изыскания могут

установить их единство. Например, гештальт *зло* продуцирует на языковом уровне высказывание, как «Зло – это просто отсутствие Бога. Оно похоже на темноту и холод – слово, созданное человеком чтобы описать отсутствие Бога. Бог не создавал зла. Зло – это не вера или любовь, которые существуют как свет и тепло. Зло – это результат отсутствия в сердце человека Божественной любви. Это вроде холода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, которая наступает, когда нет света» [3].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что метод многофакторной идентификации наиболее плодотворный при исследовании гештальтов.

Так, например, ученая О. Егорова в своем диссертационном исследовании «Нравственно-оценочные категории “добро” и “зло” в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и английского языков» выделяет несколько аспектов, представленных в гештальтах добро / зло: религиозно-философский, морально-нравственный, субъективно-психологический и прагматический [4, с. 6–7]. Исследуя гештальты *good / evil* в произведениях англоязычных писателей, нами были выделены религиозно-философский, морально-нравственный, информационно-прагматический и символический аспекты. При этом лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими религиозно-философский аспект являются: God, Lord, the Almighty, Saint, sacrifice, love, spirit, soul, divine entity; репрезентантами гештальта *evil*: Devil, Satan, Armagedon, Prince of Darkness, crucifixion, corruption, Demon, bale, monster, vampire, witch, werewolf, body, impurity, perversity, defect, diabol.

Лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими морально-нравственный аспект являются: *vitur, kindness, magnanimity, integrity, morality, probity, purity, rectitude, righteousness, benevolence, goodness, uprightness, honesty, sincerity, justice*; репрезентантами гештальта *evil* являются: *badness, foulness, immorality, wickedness, dissoluteness, viciousness, corruption*.

Лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими информационно-прагматический аспект являются: *charity, compassion, help*; репрезентантами гештальта *evil* являются: *Holocaust, bullying, rape, theft, terrorism, looting, atrocities, horrors, the Rwandan genocide, terrorist attack, killing, fear, dread, dismay, pillage, cruelty, brutality, crime, offence, violation, assassination, torture, agony, manslaughter, massacre, flame, conflagration, war*.

Лексико-семантическими репрезентантами гештальта *good*, представляющими символический аспект являются: *Christ, tank*; репрезентантами гештальта *evil* являются: *Hitler, Stalin, Mao, corrosive gas, drooling beast, Radical Islamists, zealot, Saddam, Nazis, Al-Qaeda*.

Таким образом, метод многофакторной идентификации позволяет проанализировать единый сложный концепт-впечатление, гештальт по своей структуре. Данный метод отражает динамическую природу концепта, который содержит сгусток образов, впечатлений и смыслов.

Фреймовый подход представляется одним из наиболее перспективных методов когнитивного исследования соотношения семантического пространства языка и структур знания, стоящих за определенными лексическими единицами, а также позволяет провести наиболее объективный и полный анализ отдельных лексем при исследовании абстракций среднего уровня.

В. Денисова выделяет следующие основные признаки фреймово-слотовой модели:

«1) обязательное наличие семантической сферы (в терминах теории регулярной многозначности), к которой относятся охватываемые моделью лексемы в первичном значении; 2) образная область, к которой относятся охватываемые моделью лексемы в переносном значении; 3) образ, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью языковых единиц; 4) типовые для конкретной модели динамические сценарии и схемы, отражающие наиболее характерные для данной понятийной сферы последовательности развития событий; 5) относящиеся к данной модели слоты, каждый из которых понимается как фрагмент социальной / профессиональной / наивной языковой картины мира индивида, структурирующие соответствующую концептуальную сферу и включающие определенную часть фрейма, некий аспект его конкретизации» [5, с. 6–7].

Для примера рассмотрим фреймово-слотовую модель исследования концепта *war* как абстракции среднего уровня.

В произведениях английских и американских писателей конца XX – начала XXI ст. концепт представляет собой достаточно объемную организацию слотов. Наиболее широко в

вышеуказанных произведениях представлены следующие слоты: работа, ненависть, враг, соратник, ранение, смерть, величие (нравственный аспект), грязь (материальное явление), разрушение, страх. Следует упомянуть точечные концепты, которые также являются вербализаторами концепта *war*, но представлены уже: армия, оружие, атака, победа/поражение, командир, позор, агрессия.

Фреймово-слотовая модель представляется нам наиболее продуктивной при анализе вербальной репрезентации образа и объективации субъектно-модальной оценки какого-либо фрагмента действительности. Слоты концентрируются вокруг некоторого обобщенного обыденного понятия *war*, в результате чего создается определенный смысловой контекст. В своем единстве разновидности образной репрезентации (сенсорно-перцептивная образность, знаково-символическая интерпретация первичных образов) представляют собой ассоциативно-деривационную сущность фрейма. Таким образом, используемые на его основе языковые знаки становятся его образными единицами. Они несут не только необходимую информацию, но и выражают необозримый спектр человеческих эмоций.

При исследовании абстракций низшего уровня характерно использование психолингвистических методов и приемов, которые характеризуются выходом на уровень собственно когнитивных процессов, связанных с особенностями репрезентации знаний, стоящих за словом в сознании человека, и выделение когнитивной модели – интеллектуального механизма, определяющего алгоритм формирования структуры субъективного значения и соотношение субъективного и объективного в значении слова как единице индивидуального сознания.

В психолингвистике акцент смещен на экспериментальное изучение психологической структуры значения, отраженной системой ассоциативных связей, на выявление системности всех знаний, передаваемых культурой через психологическое значение.

Особенно широко при изучении абстракций низшего уровня используется метод ассоциативного эксперимента и метод субъективных дефиниций (рецептивный эксперимент). Эти методы опираются на представление о процессе формирования психологической структуры значения. Российская ученая И. Бубнова отмечает, что вследствие понимания психологической структуры значения как единицы сознания в отличие от системного значения, иерархия комплексов признаков может выстраиваться на совершенно других основаниях: «В таком подходе заключено весьма существенное прагматическое содержание: он позволяет представить субъективное значение как неделимое единство, состоящее, с одной стороны, из стабильных, культурно значимых, конвенционально закрепленных компонентов, а с другой – элементов динамических, обусловленных внутренней историей развития человека. В этом случае существует возможность, сопоставляя два типа значения – значение, зафиксированное в словарях, и значение как единицу индивидуального сознания – между собой, выявить характер соотношения объективного и субъективного в составе структуры субъективного значения, а также динамику слова не только в сознании отдельного носителя языка, но и в языке в целом» [6, с. 17].

В контексте с вышесказанным У. Трофимова отмечает, что при описании и систематизировании исследуемого пространства языка мы сталкиваемся с различными процессами, которые могут быть классифицированы по указанию на отношение к норме: кодифицированная и интуитивная: «Кодифицированная семантизация – закрепленная в словаре с установкой на норму, соответственно единственность. Интуитивная семантизация – наблюдаемая в коммуникативном процессе или полученная экспериментальным способом – набор семантических признаков и стратегий, находящихся в отношении жесткой или свободной корреляции. В настоящее время мы только можем предполагать наличие определенных закономерностей в процессах интуитивной семантизации» [7, с. 36–37].

Анализируя особенности семантизации тематически связанных слов в психолингвистическом эксперименте, ученая отмечает, что испытуемым не свойственно строить классификации, основанные исключительно на родо-видовом принципе. Участники эксперимента в процессах категоризации (объединения предметов и подведения их под единый класс) используют различные стратегии, причем самоотчеты не всегда адекватно описывают выделяемую группу. Это свидетельствует о том, что для индивида характерно стремление к прагматической классификации окружающего мира, различие в процессах категоризации заключается не в переходе от одной стратегии к другой, а способности к владению различными стратегиями.

Таким образом, структура концепта во время психолингвистического эксперимента может быть описана через такие понятия, как «аттрактор», рассматриваемый как «имя» концепта, или его перцептивный образ, ядро, притягивающее множество элементов обширной ассоциативной сети индивида, и «параметры порядка», выступающие в качестве ментальных опор, организующих разнородные ассоциативные элементы вокруг ядра концепта [8].

Например, при проведении нами ассоциативного эксперимента концепт «женщина в интернет-коммуникации» в языковом сознании англоязычных респондентов приобрел такой вид:

Ядро: an adult female, human being.

Близкая периферия: student (9), data (9), expert (7), business (6), occupation (6), advice (5), information (4), communication (4), travel (4), use (4), custom (4).

Дальняя периферия: studies (3), analyze (3), reservation (3), to make an order (3), real (3), contemporary (3), sociable (2), skilful (2), easy to talk (1), executive (2), place of work (2), employ (2), discussion (2), talk (2), review (2), habit (2), addiction (2), practice (1), ease (2), convenience (2).

Крайняя периферия: whim (1), lecturer freak (1), profit (1), income (1), offer (1), attempt (1), try (1), suggestion (1), profession (1), reader (1), learning (1), fancy (1), affable (1), agreeable (1), consideration (1), debate (1), lookup (1), check (1), finding (1), searching (1), quest (1), seeking (1), retrieval (1), to process (1), to collect (1), fun (1), rest (1) [9, с. 176].

Несмотря на особенности при выборе методов и подходов при изучении концептов, следует отметить необходимость комплексного подхода, который включает: общефилософский подход, способствующий пониманию онтологии объекта; антропоцентрический подход, помогающий выявить «человеческий фактор» в языке; системный подход, позволяющий рассматривать смысловую сферу, репрезентирующую изучаемые концепты в целостности составляющих ее элементов. Это дает возможность наиболее адекватно и полно сформулировать обобщенную дефиницию значения.

Литература

1. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями і проблеми: Підручник. / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К., 2008. – 712 с.
2. Куприева И. Механизмы вербализации ментальных структур лексемами со значением «психические процессы» в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И.А. Куприева. – Белгород, 2014. – 42 с.
3. Академия живого бизнеса. Метафора [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.akademiki.biz/forum/lofiversion/index.php/t10.html>. – Дата доступа : 15.02.2015.
4. Егорова, О.А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О.А. Егорова. – Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2005 – 25 с.
5. Денисова, В.В. «Фреймово-слотовая модель как отражение динамики образа» [Электронный ресурс]. / В.В. Денисова. – Режим доступа : tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=12. – Дата доступа : 17.02.2015.
6. Бубнова, И. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.19 / И. Бубнова. – М., 2008. – 51 с.
7. Трофимова, У.М. О некоторых особенностях семантизаций тематически связанных слов в психолингвистическом эксперименте / У.М. Трофимова // Вопросы филологии: Научный журнал. – 2005. – № 1. – С. 33–40.
8. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. – 1988. – № 1. – С. 108–140.
9. Храбан, Т.Е. Ассоциативный эксперимент как средство выявления национальной специфики гендерного концепта «женщина в интернет-коммуникации» в сознании носителей современного русского и английского языков / Т.Е. Храбан // Современные научные направления: от прикладных исследований до инноваций : сб. докл. IV междунар. Форума молодых ученых, 17–20 марта 2014 г. – Часть 7. – Казахстан, Усть-Каменогорск, 2014. – С. 173–178.